

ВМЕНА
г. Ленинград

11 НОЯ 1987

ВЫРАЖЕНИЕ «интеллигентный актер» можно воспринимать по-разному. С одной стороны, вроде бы «интеллигентный» — хорошо, с другой — бывает у режиссеров шутка, что настоящий актер сначала залезет на люстру, а потом уже спросит, зачем. Актер Театра имени Ленсовета Олег Леваков всегда хотел знать, «зачем», и эта «пагубная» любознательность естественным образом привела его в режиссуру.

Выбор первой по-настоящему самостоятельной работы Левакова был достаточно неожиданным. Ленсоветовцы решили напомнить театралам о знаменитом петербургском театре-кабаре «Кривое зеркало». Вначале на сцене Дворца искусств, а затем и на малой сцене Театра им. Ленсовета вновь появились сценки, написанные Н. Н. Евреиновым и Б. Ф. Гейером в 1910-е годы. Из текста была извлечена некая квинтэссенция театральности, и, очевидно, существовать в атмосфере капустника, атмосфере импровизации, азартного подначивания доставляло исполнителям огромное удовольствие.

Спустя год Леваков выпустил вторую внеплановую работу, «Пророк в своем отечестве». Обратившись к современной пьесе Г. Балюза, режиссер решительно переадресировал «драму идей» в «историческую комедию».

После «Пророка» обозначилась своеобразная режиссерская тема, которую можно было бы выразить мейерхольдовскими словами: «пробовать брешь в мертвечине». Леваков главным образом высмеивает «ритуалы», то есть застывшее, бессмысленное. Сначала — застывшие театральные типы в пародийных

обозрениях, теперь застывшие жизненные типы. Характеры усложнились. Герои уже не укладываются в рамки простой театральной маски. Вот, например, директор завода Ремизов (его играет сам О. Леваков). Человек очень неглупый. Он знает людей, вернее, умеет улаживать их природный эгоизм, воздействовать страхом. На всякую производственную ситуацию у него припасен свой производст-

мер, Васнецов может увести лабораторию целиком на день в зоопарк «для мозговой атаки», Сергей Мигицко необыкновенно подвижен, раскован внутренне и внешне в роли веселого и печального, мудрого и наивного Евгения Васильевича. Режиссеру удалось использовать несколько эстрадизированное дарование артиста, направив его в нужное русло.

В камере Петропавловской

да, до опубликования многих статей экономистов, социологов, подтверждающих остроту проблемы.

Да, конечно, работа найдется всем. Тем не менее нужно сдвинуться с насиженного места, может быть, перекалифицироваться, то есть произвести ряд действий, чего никто не желает. Поэтому порочная система омертвевших ритуалов, круговой поруки еще долго будет выталкивать

ного порядка. И все это без лишнего пафоса (нам он сегодня так не мил!), в легкой, непринужденной, веселой форме, подобно герою спектакля Васнецову.

Не хочу сказать, что режиссерская индивидуальность Левакова родилась на пустом месте. Любовь к условности, театральной шутке, пародии всегда была свойственна И. Владимирову и его ученикам. Но увязать эти приемы, прин-

ношении себя у меня такого ощущения нет. Что смог, то и есть. Может быть, я так спокоен потому, что пришел в режиссуру сравнительно недавно — около четырех лет. Мне кажется, пока прошли только первые пробы пера. И по существу я еще только начинаю. Сейчас я работаю ассистентом на постановке «Мещанина во дворянстве» Мольера. Весной предстоит самостоятельная работа, которая

КОГДА ЕСТЬ ШАНС

венный ритуал. Надо ликвидировать прорыв, и дирекция в полном составе встает к станку, стимулируя общий трудовой энтузиазм. Надо выразить недоверие оппозиционеру — под боком есть две «представительницы народа» (Е. Комиссаренко и И. Ракшина), сухонькие, злобенькие, движущиеся, как два слаженных автомата. Они выражают свое «принципиальное» мнение по любому поводу, и, если потребуется, прямо противоположное вчерашнему.

Завод напоминает странный вечный двигатель, который ничего не производит. Результаты деятельности не существуют. Главное, чтобы колесики, маховички постоянно крутились. Этому мертвому движению противопоставит изобретатель-самоучка Васнецов (С. Мигицко). Вычислить, как поступят остальные персонажи, довольно просто — он непредсказуем, потому что свободен от страха. Свобода его поведения, конечно, комически гипертрофирована, напри-

крепости, где, согласно эксцентрической логике спектакля, уединились для инженерного состязания директор и самоучка — изобретатель, или в домашней обстановке Ремизов согласен признать превосходство своего бывшего товарища по детским играм. Однако повседневная жизнь — дело другое. Фантастический антиредуктор, изобретенный Васнецовым, упраздняет необходимость в целом заводе. Значит, надо увольнять людей. Тут уж не конфликт новаторов и консерваторов — у каждого пробуждается почти звериный инстинкт самосохранения. У людей семья, дети. Так лучше уйдем куда-нибудь беспокойного экспериментатора, хоть за границу. Пусть наша работа бессмысленна, но люди останутся пристроенными. Эти серьезные мысли о государственной «филантропии», о нравственных преградах, стоящих перед перестройкой, были высказаны театром еще в 1986 году, до январского Пленума 1987 го-

да, талантливое, незаурядное. И если даже вопреки здравому смыслу безграмотный пенсионер дядя Леша (А. Глазун) на одном энтузиазме соберет загадочный антиредуктор, запустить его не удастся никому, в том числе и комичному академику Комарову (в его роли Е. Филатов попутно пародирует некоторых напыщенных героев А. Калягина).

Рассказ о спектакле можно было, конечно, построить на описании остроумных режиссерских находок, а их действительно немало. Можно было бы говорить о каждом исполнителе отдельно — здесь проявилась способность Левакова к театральной портретной «живописи».

Сегодня же хотелось подчеркнуть другое. Обычно «актерская» режиссура страдает аморфностью общей мысли. Леваков на камерной площадке, на весьма скромном по своим достоинствам драматургическом материале, попытался вольно или невольно поставить вопросы государствен-

ципы с конкретной пьесой театру последние годы удается не часто. Леваков сумел добиться органики. Театральность в «Пророке» не самоцель. Она помогает подчеркнуть общественность омертвевших общественных отношений, обнаружить печальный абсурд производственной суеты, интересной только для задемпированных в ней. Спектакль при всех его композиционных недоработках имеет ясные цели. И меня не удивляет, что актеры с удовольствием идут за начинающим режиссером, которому еще много предстоит научиться. Видно, работать с ним интересно, хотя, казалось бы, нет той рекламы и резонанса, что от работ на главной площадке. И все-таки у Левакова появилась своя «команда».

— Сегодня почему-то принято считать, что у режиссера моего поколения обязательно сложенная судьба, — говорит Олег Леваков. — Мы сами в это иногда верим, собираемся, митингуем. Но в от-

будет моим стажировочным дипломом.

Мне кажется, что опасно объединять под одним знаком — «потерянные», «загубленные», «лишенные возможности» — очень разных людей, разных режиссеров, у каждого из которых своя судьба. Хорошая или плохая — но своя. И время сегодня работает на нас. Создаются, например, творческие мастерские. Прекрасное начинание, для кого-то это, может быть, единственный шанс заявить о себе по-настоящему. Но ведь и в театрах тоже есть возможность работать. Я думаю, крайностей все-таки стоит избегать.

И вообще надо просто работать. Если есть какие-то творческие, духовные накопления, то они найдут возможность и способ выразиться. Ну а не получилось — пеняй сам на себя.

Е. СОКОЛИНСКИЙ,
кандидат искусствоведения